

Переживание одиночества в юношеском возрасте во взаимосвязи с детско-родительскими отношениями

© 2023

*Чурилова Екатерина Евгеньевна**¹, кандидат психологических наук,

доцент кафедры психологии развития личности

*Николаев Александр Алексеевич*², магистрант факультета педагогики и психологии*Московский педагогический государственный университет, Москва (Россия)*

*E-mail: ee.churilova@mpgu.su

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9146-3286>²ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9697-3735>

Аннотация: Проблематика детско-родительских отношений в юношеском возрасте исследуется достаточно редко. Период юношества – кризисный этап активной перестройки внутреннего уклада личности и преобразования внешних условий, в том числе социальной ситуации развития, этап, когда особую значимость приобретает феномен одиночества. Личность юношеского возраста не только встречается с возрастной задачей формирования интимности, но и находит ресурс в состоянии наедине с собой. При изучении этого феномена исследователи редко рассматривают его во взаимосвязи с активно видоизменяющимися детско-родительскими отношениями. Гипотеза исследования: тяжелее переживают одиночество в юношеском возрасте дети родителей, демонстрирующих гипопротекцию как ведущий тип воспитания. Эмпирическое исследование взаимосвязи переживания одиночества и особенностей детско-родительских отношений проводилось на выборке в 96 диад «родитель – ребенок», $M_x=19,6$ года, $\sigma=1,9$. Для сбора психодиагностического материала использовались методики «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса и «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина. В результате статистического анализа был выявлен ряд закономерностей, выражаемых в достоверных взаимосвязях между такими дисгармоничными тенденциями детско-родительских отношений, как гиперпротекция, недостаточность требований-обязанностей, недостаточность требований-запретов, неразвитость родительских чувств, проекция на ребенка собственных нежелательных качеств и субъективным переживанием одиночества, зависимостью от общения. С помощью анализа различий было выявлено, что родители детей, демонстрирующих относительно низкий уровень зависимости от общения, обнаруживают у себя тенденции чрезмерности требований-обязанностей, минимальности санкций, низкого уровня воспитательной неуверенности.

Ключевые слова: детско-родительские отношения; переживание одиночества в юношеском возрасте; юношеский возраст; переживание одиночества; зависимость от общения; гиперпротекция.

Для цитирования: Чурилова Е.Е., Николаев А.А. Переживание одиночества в юношеском возрасте во взаимосвязи с детско-родительскими отношениями // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2023. № 2. С. 61–69. DOI: 10.18323/2221-5662-2023-2-61-69.

ВВЕДЕНИЕ

Одиночество в общем смысле можно определить как «переживание собственной невовлеченности в связи с другими людьми» [1, с. 55]. Человек, как существо социальное, так или иначе нуждающееся во взаимодействии с другими людьми, на каждом этапе онтогенеза вовлечен в межличностные взаимодействия разного уровня, которые и в отечественной, и в зарубежной традиции рассматриваются как источник развития личности [2]. Согласно психосоциальной теории Э. Эриксона в первые годы жизни ребенок, взаимодействуя сначала с матерью, а потом и с другими близкими, понимает, надежен ли мир, нормален ли он сам, способен ли он быть самостоятельным и инициативным¹.

С наступлением подросткового возраста человек готов к началу формирования идентичности, перед личностью встает вопрос «Кто Я?». Ответ на этот вопрос во многом будет зависеть от характера взаимодействия

с референтной группой [3–5]. Родители на этом возрастном этапе, несмотря на постепенно угасающий авторитет и сепарирование ребенка от них, все равно влияют на развитие его личности. Так, например, в исследовании, проведенном на старшекласниках, было продемонстрировано, что дети, обладающие умеренной эмоциональной автономией в системе детско-родительских отношений, демонстрируют большую целеустремленность, желание развиваться и преодолевать трудности [6]. В юношеском же возрасте личность реализует задачи самоопределения², обретения интимности³, переоценки жизненных ценностей [7]. В течение этого периода личность «обращается в себя», автономизируется, что находит отражение во взаимодействии с внешним миром⁴. И.С. Кон отмечает, что в юношеском возрасте для личности характерно формирование жизненного

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

² Кон И.С. Психология юношеского возраста: проблемы формирования личности. М.: Книга по требованию, 2013. 176 с.

³ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.

⁴ Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. М.: Академия, 2019. 656 с.

плана, который детерминирует развитие иерархии мотивов, появление устойчивой системы ценностных ориентаций. В этот период происходит обособление процессов морального и профессионального самоопределения. Данная онтогенетическая ступень, этап переоценки ценностей, как правило, сопровождается паузой, вакуумом в деятельности или отношениях с людьми [8].

Проблему детско-родительских отношений на данном этапе онтогенеза рассматривают достаточно редко, хотя родительские фигуры не пропадают из жизни юноши или девушки, а, наоборот, перерождаются, предстают в ином свете, так как ребенок постепенно входит в мир взрослых, в тот мир, в котором живут его родители. Отмечается, что юношество – период осознанного, реального отделения человека от семьи, после которого эмоциональный контакт с родителями восстанавливается на более высоком уровне⁵. В период юношеского возраста особую значимость для личности имеют отношения с близкими, в частности с родителями, что также сопровождается изменением отношения к одиночеству, обращением «в себя», трансформацией особенностей взаимодействия с окружающими и выстраивания отношений с миром. Согласно недавним данным более трети студентов (большой частью, как правило, люди юношеского возраста), обращающихся в психологические службы высших учебных заведений, приходят с проблемами, связанными именно с семейной ситуацией⁶. Этот факт дает косвенные основания полагать, что на данном этапе онтогенеза система детско-родительских отношений продолжает оставаться значимой для человека и каким-либо образом связанной с психологическим и социальным развитием юноши или девушки. Проблематика детско-родительских отношений, таким образом, становится особо актуальной при изучении личности юношеского возраста.

В научном сообществе достаточно широко рассмотрена тема детско-родительских отношений в детстве и отрочестве. Однако публикаций, посвященных данной проблематике в разрезе юношеского возраста, мало относительно других возрастных этапов. Отношения с родителями выделяются многими учеными как важнейший фактор развития личности [9; 10]. Детско-родительские отношения в нашем исследовании рассматриваются в русле клинического подхода (согласно А.Я. Варге) как система разнообразных чувств родителей к ребенку и ребенка к родителям, поведенческих стереотипов, практикуемых в общении в системе «родитель – ребенок», особенностей восприятия и понимания характера и личности ребенка, его поступков со стороны родителей [11].

Исследования в области детско-родительских отношений в юношеском возрасте, несмотря на их малочисленность, показывают, что юношеский возраст – кри-

тический период не только в контексте становления автономной личности [12], но, как следствие, и в развитии семейной системы [13]. Мы можем предположить, что особенности взаимодействия родителей с ребенком в юношеском возрасте имеют связь с развитием личности ребенка, в частности субъективным переживанием одиночества, на что косвенно указывают научные работы последних лет. Так, в недавнем исследовании зарубежных ученых показано, что авторитарный (высокий контроль и низкая теплота) родительский стиль в юношеском возрасте значимо связан с развитием у детей экстернализирующих и интернализирующих проблем, с патопсихологическим развитием личности [14]. Это в значительной степени указывает на губительный характер чрезмерно запрещающего, контролирующего и холодного стиля воспитания для ребенка.

В то же время в недавнем лонгитюдном исследовании развития ценностных ориентаций и детско-родительских отношений была продемонстрирована определяющая роль авторитетного (высокий контроль и теплота, принятие) стиля воспитания в интернализации ценностей, что, в свою очередь, ведет к внутренне мотивированному просоциальному поведению, вовлеченности в общественную систему и снижению уровня одиночества [15]. Это дает основания предполагать, что значимой переменной для формирования благополучной личности является не только наличие контролирующего поведения со стороны родителей, но и любовь, теплота по отношению к ребенку. Другое мультикультурное исследование показало, что подростки из либеральных (низкий контроль и теплота) семей обладают такими же или даже более высокими показателями психологического благополучия, включая уровень переживания одиночества, чем их ровесники из семей с авторитарным (высокий контроль и теплота, принятие) стилем воспитания, а дети, родители которых предпочитали авторитарный (высокий контроль и отвержение) стиль воспитания, обладали низким уровнем самооценки и интернализацией социальных ценностей [16].

По-видимому, одной из наиболее «спорных» переменных, связанных с особенностями личности и самосознания, являются детско-родительские отношения, в частности степень выраженности запретов, наказаний, авторитарных тенденций, опекающего и заботливого поведения. Особо интересным представляется то, что современные зарубежные исследователи начинают сомневаться в том, что авторитарный стиль воспитания, объединяющий в себе строгость, требовательность, теплоту и принятие ребенка по-прежнему необходим для обеспечения его личного и социального благополучия [17–19]. Отечественных исследований, посвященных выбранной нами тематике, на данный момент недостаточно для целостного анализа вопроса. На сегодняшний день научное сообщество не может дать однозначного ответа на вопрос, как взаимосвязано субъективное переживание одиночества личностью юношеского возраста во взаимосвязи с детско-родительскими отношениями.

Настоящая работа позволит расширить понимание феномена одиночества и изолированности в контексте детско-родительских отношений и позволит увидеть, какие именно характеристики воспитательного воздействия родителей связаны с переживанием одиночества,

⁵ Хухлаева О.В. *Психология развития: молодость, зрелость, старость*. М.: Academia, 2006. 202 с.

⁶ Макарова И.В., Умняшова И.Б., Киктенко М.В., Тимонов Е.И., Коломийцева Э.А. *Взаимодействие психологической службы вуза со студентами: проблемы и пути их решения // Психологическая служба университета: реальность и перспективы: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. М.: МГППУ, НИУ ВШЭ, 2017. С. 23–28. EDN: [AMEFKF](#).

зависимостью человека от общения и восприятием одиночества как позитивного, ресурсного состояния, что имеет особую значимость на выбранном нами этапе онтогенеза.

Гипотеза исследования: в юношеском возрасте тяжелее переживают одиночество дети родителей, демонстрирующих гипопротекцию как ведущий тип воспитания.

Цель исследования – изучить особенности переживания одиночества во взаимосвязи с детско-родительскими отношениями.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В выборку вошли 96 диад «родитель – ребенок» (в диаду входит один родитель и один ребенок) из Москвы и ближайшего Подмосковья. Средний возраст респондентов-детей (48 юношей и 48 девушек) составил $M_x=19,6$ года ($\sigma=1,9$). Средний возраст респондентов-родителей (68 матерей и 28 отцов) составил $M_x=47$ лет ($\sigma=6,5$). 49 респондентов-родителей имеют высшее образование, с 43 родителями-респондентами проживают респонденты-дети.

Для изучения описываемых феноменов были использованы следующие методики: опросник для родителей «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса (1987) [20]; опросник для детей «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) (ДОПО-3к) Д.А. Леонтьева и Е.Н. Осина (2013) [1].

Респондентам-детям предлагалось заполнить анкету, в которой было необходимо указать свой пол, возраст, занятость, живут ли они с родителями или отдельно. После этого они проходили опрос по методике ДОПО-3к.

Респондентам-родителям предлагалось заполнить анкету, где они указывали свой возраст и имя или псевдоним ребенка для дальнейшего сопоставления результатов. После этого они проходили опрос по методике АСВ. Взаимодействие с родителями велось в личном формате и через респондентов-детей.

Сбор данных проходил в смешанном формате: дистанционно и очно. Все респонденты добровольно соглашались на участие в исследовании с гарантией анонимности и могли в любой момент отказаться от продолжения участия в исследовании.

Статистический анализ результатов был проведен в программе Statgraphics 19 с использованием критерия ранговой корреляции Спирмена и критерия суммы рангов Уилкоксона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для первичного анализа данных переменные были подвергнуты корреляционному анализу (таблица 1). Переживание одиночества ребенком коррелирует при уровне значимости $p<0,05$ с такими показателями детско-родительских отношений, как гиперпротекция (Г+) ($r=-0,228$), недостаточность требований-обязанностей (Т-) ($r=0,278$), недостаточность требований-запретов (З-) ($r=0,225$), неразвитость родительских чувств (НРЧ) ($r=0,223$), проекция на ребенка собственных нежелательных качеств (ПНК) ($r=0,27$). Уровень зависимости от общения у юношей и девушек коррелирует с воспитательной неуверенностью родителей (ВН) ($r=0,269$), а также с неразвитостью родительских чувств (НРЧ) ($r=0,216$).

С целью анализа различий по критерию суммы рангов для независимых выборок Уилкоксона выборка делилась медианой на высокий и низкий уровень переживания одиночества. Использование медианного метода деления выборки обусловлено особенностями неравномерного, правосторонне асимметричного распределения показателей методики ДОПО-3к (рис. 1). По шкале «Общее переживание одиночества» минимальный балл – 8, максимальный – 38, математическое ожидание – 16,45, стандартное отклонение – 7,71, коэффициент вариации – 46,89. Асимметричность распределения, таким образом, выражается и в количестве детей-респондентов, имеющих высокий уровень переживания одиночества согласно методике ДОПО-3к – их 17 человек из 96, а тех, кто имеет низкий уровень переживания одиночества – 36 из 96.

Мы подразумеваем, что деление на группы в данном случае позволяет увидеть статистическую тенденцию. Респонденты с результатами, находящимися в диапазоне нижнего и верхнего квартилей, могут иметь особую ценность. При таком методе анализа мы учитываем «промежуточные» результаты, которые все же отклоняются от меры центральной тенденции и условно могут быть расценены как относительно высокие или низкие,

Таблица 1. Корреляция между особенностями семейного воспитания («Анализ семейных взаимоотношений» [20]), степенью актуального ощущения одиночества и зависимостью от общения («Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) [1]). Критерий ранговой корреляции Спирмена ($p<0,05$). $N=96$ диад

Названия шкал	Г+	Т–	З–	НРЧ	ПНК	ВН
Общее переживание одиночества	-0,228*	0,278*	0,225*	0,223*	0,27*	-0,056
Зависимость от общения	-0,055	0,120	0,053	0,216*	0,1915	0,269*

Примечание. Знаком * помечены коэффициенты корреляции при уровне значимости $p<0,05$. Г+ – гиперпротекция; Т– – недостаточность требований-обязанностей; З– – недостаточность требований-запретов; НРЧ – неразвитость родительских чувств; ПНК – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; ВН – воспитательная неуверенность родителя.

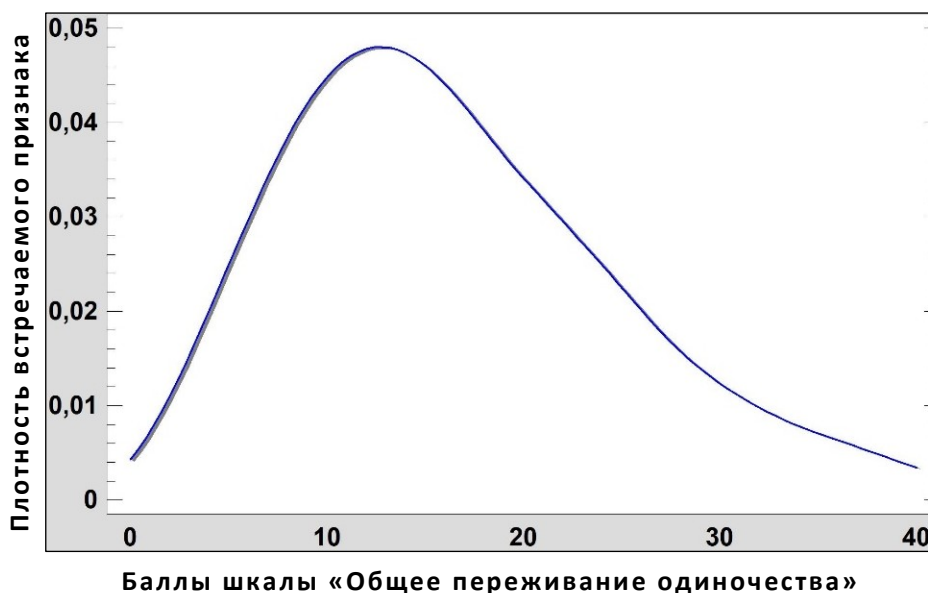

Рис. 1. Распределение данных по шкале «Общее переживание одиночества» («Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) [1]). N=96

а потому информативны и могут дать более многомерную картину. Сравнение групп выборки на основе только низких и только высоких результатов (на основании психометрических показателей создателей методики) лишит нас этой возможности. Учитывая все вышесказанное, наиболее оптимальным основанием разделения выборки является медиана, поскольку она позволит получить две равные по количеству респондентов выборки, позволяющие увидеть наиболее статистически значимые тенденции.

В результате анализа (таблица 2) различия были обнаружены в области гиперпротекции, недостаточности требований-обязанностей, проекции на ребенка собственных нежелательных качеств. Родители детей, переживающих одиночество легче относительно других своих сверстников в нашей выборке, в большей степени демонстрируют тенденции гиперпротекции, недостаточности требований-обязанностей и проекции на ре-

бенка собственных нежелательных качеств. Эти результаты частично совпали с результатами корреляционного анализа.

Аналогичное деление выборки на основе зависимости от общения проводилось на тех же основаниях, на которых проводилось медианное деление по общему уровню переживания одиночества (рис. 2).

Выяснилось, что родители детей, демонстрирующих относительно низкий уровень зависимости от общения, обнаруживают у себя тенденции чрезмерности требований-обязанностей, минимальности санкций, низкого уровня воспитательной неуверенности (таблица 3).

Значимых взаимосвязей шкал методики АСВ со шкалой «Позитивное одиночество» обнаружено не было. Значимых различий при условном разделении выборки на респондентов, имеющих низкий и высокий уровни восприятия одиночества как позитивного, обнаружено не было.

Таблица 2. Различия между группами с низким и высоким уровнем переживания одиночества. Методики: «Анализ семейных взаимоотношений» [20], «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) [1]. Критерий суммы рангов Уилкоксона ($p < 0,05$). $x=48$ диад, $y=48$ диад

Шкала	Низкий уровень переживания одиночества	Высокий уровень переживания одиночества	W
Г+	49,03	37,96	686,5
Т-	36,91	50,08	1207,5
ПНК	37,40	49,59	1186,5

Примечание. Г+ – гиперпротекция; Т- – недостаточность требований-обязанностей; ПНК – проекция на ребенка собственных нежелательных качеств; W – коэффициент суммы рангов Уилкоксона.

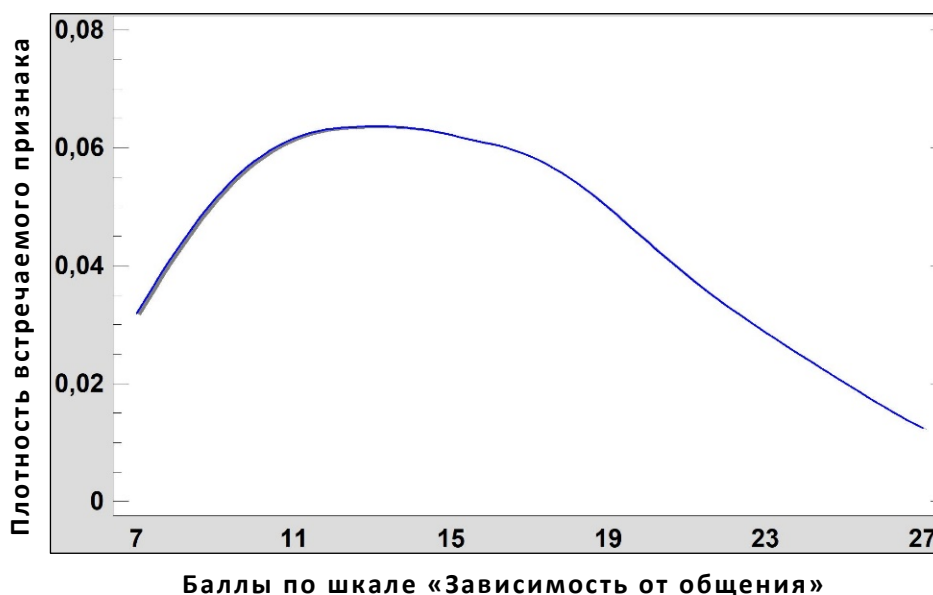

Рис. 2. Распределение данных по шкале «Зависимость от общения» («Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) [1]). N=96

Таблица 3. Различия между группами с низким и высоким уровнем зависимости от общения. Методики: «Анализ семейных взаимоотношений» [20], «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) [1]. Критерий суммы рангов Уилкоксона ($p < 0,05$). $x=48$ диад, $y=48$ диад

Шкала	Низкий уровень зависимости от общения	Высокий уровень зависимости от общения	W
T+	49,72	37,27	657,0
C-	48,45	38,54	711,5
ВН	38,32	48,67	1147,0

Примечание. T+ – чрезмерность требований-обязанностей; C- – минимальность санкций; ВН – воспитательная неуверенность родителя; W – коэффициент суммы рангов Уилкоксона.

Мы сравнили показатели, полученные по методикам ДОПО-3к и АСВ, в зависимости от того, проживают ли дети отдельно от родителей или нет. Статистически значимые результаты были получены по двум показателям: «Общее переживание одиночества» (дети, живущие отдельно от родителей, в меньшей степени воспринимают себя как изолированного, одинокого человека) и «Незрелость родительских чувств» (у родителей, дети которых живут отдельно, в меньшей степени проявляется поверхностность интересов к ребенку, нежелание иметь с ним дело) (таблица 4).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты корреляционного анализа позволяют говорить о том, что в рамках актуальной выборки переживание одиночества личностью юношеского возраста наиболее чувствительно к таким проявлениям негармоничного семейного воспитания, как гипопротекция

(в которую вошли корреляты «гиперпротекция», «недостаточность требований-обязанностей», «недостаточность требований-запретов») либо эмоциональное отвержение, жестокое обращение (к проявлениям которого относятся корреляты «незрелость родительских чувств» и «проекция на ребенка собственных качеств»). Результаты корреляционного анализа были частично подтверждены результатами анализа различий (при делении выборки медианой на «низкий» и «высокий» уровни переживания одиночества).

Это идет вразрез с данными из исследований, проводимых на других культурах [21–23]. Важно обратить внимание, что в указанных исследованиях именно авторитарный стиль воспитания является наиболее влиятельной переменной в контексте субъективного переживания одиночества – обнаруживается положительная линейная корреляция. Возможно, нам удалось осветить юношеский возраст как период сепарации не только от родительского воздействия, но и от сверстников:

Таблица 4. Различия между группами респондентов, проживающих совместно с родителями и отдельно от них.
 Методики: «Анализ семейных взаимоотношений» [20],
 «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (краткая версия) [1].
 Критерий суммы рангов Уилкоксона $p < 0,05$. $x=43$ диады, $y=53$ диады

Шкала	Дети живут с родителями	Дети живут отдельно от родителей	W
Переживание одиночества	50,22	38,66	1142
НРЧ	40,57	30,20	621

Примечание. НРЧ – неразвитость родительских чувств; W – коэффициент суммы рангов Уилкоксона.

сокращающееся количество социальных контактов происходит вместе с сокращением детско-родительских взаимодействий. Взаимосвязь гипопротективных характеристик стиля детско-родительских отношений может также объясняться системно: ребенок, находящийся в таких отношениях с родителями, при которых он находится не «в центре внимания», а скорее «на периферии», не принимается родителями и не является активным и деятельным членом семейной системы, воспринимает себя как одинокого, покинутого человека. Исследование отечественных ученых говорит о том, что гиперопекающие черты родительского поведения могут быть связаны с автономизацией ребенка и фобией утраты, с таким состоянием семейной системы, когда воспитательное воздействие становится непоследовательным, дисгармоничным, а ребенок уже обладает определенным уровнем независимости и потому может отчуждаться от родителей, избегать их [24]. Следует учесть, что вышеупомянутое исследование проводилось на выборке детей подросткового возраста, тогда как в нашем исследовании мы имеем дело со следующим возрастным этапом. Этот факт представляет особый интерес, так как противоположная гиперопеке отстраненность родителей в нашем случае связана с переживанием личностью своего одиночества. Возможно, на данном возрастном этапе личность в связи со своей эмансипацией, обретением взрослой позиции обнаруживает потребность в сопричастности, в оказании посильной помощи, репрезентирующей ее как активного, изолированного члена семьи. При этом связь выраженности зависимости от общения с уровнем воспитательной неуверенности и неразвитости родительских чувств, а также результаты анализа различий дополняют вышесказанное. Дети родителей, демонстрирующих пониженный уровень требований, отстраненность, гипопекающие тенденции, таким образом, не только переживают состояние одиночества, но и стремятся избежать ситуаций уединения, которые связаны с неприятными или болезненными переживаниями. Дети могут использовать общение с другими людьми как компенсаторную стратегию в определенных условиях дисгармоничного воспитания.

В другом исследовании отмечалось, что девушки, успешно сепарировавшиеся от своих матерей, являются социально активными, имеют хобби и дружескую поддержку, тогда как девушки, не сепарированные от матерей, отмечали, что у них нет дружеской поддержки [25]. Это может косвенно дополнять полученную нами картину взаимосвязи детско-родительских отношений

и переживания одиночества, где, возможно, родительская отстраненность предстает в виде сепарационных условий, которые предоставляют родители своим постепенно взрослеющим детям, а те, в свою очередь, переживают кризисное состояние, отстраняются от окружающих, уходят в себя.

Недавнее исследование норвежских ученых показало, что наличие близких друзей, восприятие детьми родителей как заботливых, проживание с родителями до 18 лет и восприятие большей свободы действий были связаны с меньшим переживанием одиночества в дальнейшем [26]. Исходя из результатов нашего исследования, мы можем сделать предположение, что проживающие отдельно дети, родители которых не демонстрируют гипопекающие тенденции, в частности неразвитость родительских чувств, не воспринимают себя как одиноких и покинутых людей, так как имеют благополучные условия развития, подготовленную почву для сепарации. Тем не менее необходимо отметить, что ограничения нашего исследования не позволяют определить сепарационный статус респондентов-студентов, особенности формирования того или иного типа привязанности, и потому сделанные нами выводы следует рассматривать с определенной осторожностью.

Исходя из проведенного анализа результатов, мы можем заключить, что гипотеза настоящего исследования подтвердилась: в юношеском возрасте тяжелее переживают одиночество дети родителей, демонстрирующих гипопротекцию как ведущий тип воспитания.

Результаты настоящего исследования носят промежуточный характер и в дальнейшем будут дополнены анализом ряда показателей, таких как автономия, осмысленность жизни, самопринятие, особенности временной перспективы, направленность рефлексии, что позволит провести более детальный анализ проблемы. Так как исследование все еще продолжается, а выборка исследования будет расширяться, то дальнейшие публикации в контексте выделенной проблематики планируются в ближайшем будущем.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Особенности субъективного переживания одиночества личности юношеского возраста связаны с выраженностью гиперпротекции. Большинство респондентов воспринимает одиночество как ресурсное состояние вне зависимости от особенностей детско-родительских отношений.

2. Дети родителей, демонстрирующих гипопротекцию как ведущий тип дисгармоничного воспитания, чаще переживают себя как одиноких и изолированных людей, трудно переносящих одиночество.

3. Дети неуверенных, нерешительных и отстраненных родителей в большей степени зависят от общения, им труднее пребывать в состоянии одиночества.

4. Родители проявляют большую вовлеченность в жизнь детей, живущих отдельно.

5. Дети, живущие отдельно от родителей, в меньшей степени чувствуют себя изолированными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81. EDN: [QYZBYJ](#).
- Рубцов В.В. Два подхода к проблеме развития в контексте социальных взаимодействий: Л.С. Выготский vs Ж. Пиаже // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 3. С. 5–14. DOI: [10.17759/chp.2020160302](#).
- Yakici E., Traş Z. Life Satisfaction and Loneliness as Predictive Variables in Psychological Resilience Levels of Emerging Adults // Research on Education and Psychology. 2018. Vol. 2. № 2. P. 176–184.
- Maes M., Nelemans S.A., Danneel S., Fernández-Castilla B., Van den Noortgate W., Goossens L., Vanhalst J. Loneliness and social anxiety across childhood and adolescence: Multilevel meta-analyses of cross-sectional and longitudinal associations // Developmental Psychology. 2019. Vol. 55. № 7. P. 1548–1565. DOI: [10.1037/dev0000719](#).
- Davis M.H., Franzoi S.L. Adolescent loneliness, self-disclosure, and private self-consciousness: A longitudinal investigation // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51. № 3. P. 595–608. DOI: [10.1037//0022-3514.51.3.595](#).
- Konshina T. Parental involvement in the vocational self-determination of adolescents with different types of attachment to mother // Procedia-social and behavioral sciences. 2016. Vol. 233. P. 397–402. DOI: [10.1016/j.sbspro.2016.10.169](#).
- Meeus W. Adolescent Development: Longitudinal Research into the Self, Personal Relationships, and Psychopathology. 1st ed. London: Routledge, 2018. 172 p.
- Малкина-Пых И.Г. Возрастные кризисы детского и подросткового возраста. М.: КноРус, 2022. 278 с.
- Harris M.A., Orth U. The link between self-esteem and social relationships: A meta-analysis of longitudinal studies // Journal of Personality and Social Psychology. 2020. Vol. 119. № 6. P. 1459–1477. DOI: [10.1037/pspp0000265](#).
- Seror A. Child Development in Parent-Child Interactions // Journal of Political Economy. 2022. Vol. 130. № 9. P. 2462–2499. DOI: [10.1086/720398](#).
- Варга А.Я. Введение в системную семейную психотерапию. 2-е изд., стереотип. М.: Когито-Центр, 2012. 182 с.
- Голубев В.Н., Девярых С.Ю. Особенности детско-родительских отношений в старшем юношеском возрасте // Известия Смоленского государственного университета. 2010. № 2. С. 293–301. EDN: [MQPKIX](#).
- Карабанова О.А. Детско-родительские отношения как фактор профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2016. № 3. С. 54–62. EDN: [YPCMEH](#).
- Steele E.H., McKinney C. Emerging adult psychological problems and parenting style: Moderation by parent-child relationship quality // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 146. P. 201–208. DOI: [10.1016/j.paid.2018.04.048](#).
- Williams K.E., Ciarrochi J. Perceived Parenting Styles and Values Development: A Longitudinal Study of Adolescents and Emerging Adults // Journal of Research on Adolescence. 2019. Vol. 30. № 2. P. 541–558. DOI: [10.1111/jora.12542](#).
- Garcia F., Serra E., Garcia O.F., Martinez I., Cruise E. A Third Emerging Stage for the Current Digital Society? Optimal Parenting Styles in Spain, the United States, Germany, and Brazil // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. Vol. 16. № 13. Article number 2333. DOI: [10.3390/ijerph16132333](#).
- Calafat A., García F., Juan M., Becoña E., Fernández-Hermida J.R. Which Parenting Style is More Protective Against Adolescent Substance use? Evidence within the European Context // Drug Alcohol Depend. 2014. Vol. 138. P. 185–192. DOI: [10.1016/j.drugalcdep.2014.02.705](#).
- Garcia F., Gracia E. Is always Authoritative the Optimum Parenting Style? Evidence from Spanish Families // Adolescence. 2009. Vol. 44. № 173. P. 101–132.
- Lund I., Scheffels J. 15-Year-Old Tobacco and Alcohol Abstainers in a Drier Generation: Characteristics and Lifestyle Factors in a Norwegian Cross-Sectional Sample // Scandinavian Journal of Public Health. 2019. Vol. 47. № 4. P. 439–445. DOI: [10.1177/1403494818770301](#).
- Эйдемиллер Э.Г., Александрова Н.В., Юстицкий В. Семейная психотерапия. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
- Demirli A. The Structural relationships of parenting styles, attachment dimensions, loneliness and hope. Middle East Technical University, 2013. 191 p.
- Jahanbakhshi Z., Shabani F. Predicting loneliness based on perceived parenting style and self-esteem in adolescents: the moderating role of gender // Journal of Preventive Counseling. 2022. Vol. 3. № 2. P. 16–30.
- Rafiee Sh., Chehrei Sh. The relationship between perceived parenting styles and loneliness in students // Asian Social Science. 2016. Vol. 12. № 9. P. 230–235. DOI: [10.5539/ass.v12n9p230](#).
- Иванова Е.Е., Сторожева Ю.А. Феномен отчужденности в детско-родительских отношениях // Вестник университета. 2019. № 9. С. 190–195. DOI: [10.26425/1816-4277-2019-9-190-195](#).
- Слотина Т.В., Ярмулик М.В. Особенности детско-родительских отношений в процессе психологической сепарации дочери от матери в неполной семье // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 288–292. EDN: [TPRJXB](#).
- von Soest T., Luhmann M., Gerstorf D. The development of loneliness through adolescence and young adulthood: Its nature, correlates, and midlife outcomes //

Developmental Psychology. 2020. Vol. 56. № 10. P. 1919–1934. DOI: [10.1037/dev0001102](https://doi.org/10.1037/dev0001102).

REFERENCES

- Osin E.N., Leontev D.A. Multidimensional inventory of loneliness experience: structure and properties. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2013, vol. 10, no. 1, pp. 55–81. EDN: [QYZBYJ](https://elibrary.ru/qyzbyj).
- Rubtsov V.V. Two approaches to the problem of development in the context of social interactions: L.S. Vygotsky vs J. Piaget. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 5–14. DOI: [10.17759/chp.2020160302](https://doi.org/10.17759/chp.2020160302).
- Yakici E., Traş Z. Life Satisfaction and Loneliness as Predictive Variables in Psychological Resilience Levels of Emerging Adults. *Research on Education and Psychology*, 2018, vol. 2, no. 2, pp. 176–184.
- Maes M., Nelemans S.A., Danneel S., Fernández-Castilla B., Van den Noortgate W., Goossens L., Vanhalst J. Loneliness and social anxiety across childhood and adolescence: Multilevel meta-analyses of cross-sectional and longitudinal associations. *Developmental Psychology*, 2019, vol. 55, no. 7, pp. 1548–1565. DOI: [10.1037/dev0000719](https://doi.org/10.1037/dev0000719).
- Davis M.H., Franzoi S.L. Adolescent loneliness, self-disclosure, and private self-consciousness: A longitudinal investigation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986, vol. 51, no. 3, pp. 595–608. DOI: [10.1037//0022-3514.51.3.595](https://doi.org/10.1037//0022-3514.51.3.595).
- Konshina T. Parental involvement in the vocational self-determination of adolescents with different types of attachment to mother. *Procedia-social and behavioral sciences*, 2016, vol. 233, pp. 397–402. DOI: [10.1016/j.sbspro.2016.10.169](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2016.10.169).
- Meeus W. *Adolescent Development: Longitudinal Research into the Self, Personal Relationships, and Psychopathology*. 1st ed. London, Routledge Publ., 2018. 172 p.
- Malkina-Pykh I.G. *Vozrastnye krizisy detskogo i podrostkovogo vozrasta* [Age crises of childhood and adolescence]. Moscow, KnoRus Publ., 2022. 278 p.
- Harris M.A., Orth U. The link between self-esteem and social relationships: A meta-analysis of longitudinal studies. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2020, vol. 119, no. 6, pp. 1459–1477. DOI: [10.1037/pspp0000265](https://doi.org/10.1037/pspp0000265).
- Seror A. Child Development in Parent-Child Interactions. *Journal of Political Economy*, 2022, vol. 130, no. 9, pp. 2462–2499. DOI: [10.1086/720398](https://doi.org/10.1086/720398).
- Varga A.Ya. *Vvedenie v sistemnyuyu semeynuyu psikhoterapiyu* [Introduction to systemic family therapy]. 2nd ed., stereotip. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2012. 182 p.
- Golubev V.N., Devyatykh S.Yu. Peculiarities of the relationship between parents and children in the period of adolescence. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 2, pp. 293–301. EDN: [MQPKIX](https://elibrary.ru/mqpkix).
- Karabanova O.A. Parent-child relationship as a factor of professional self-identity in adolescence and early adulthood. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*, 2016, no. 3, pp. 54–62. EDN: [YPCMEH](https://elibrary.ru/ypcmeH).
- Steele E.H., McKinney C. Emerging adult psychological problems and parenting style: Moderation by parent-child relationship quality. *Personality and Individual Differences*, 2019, vol. 146, pp. 201–208. DOI: [10.1016/j.paid.2018.04.048](https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.04.048).
- Williams K.E., Ciarrochi J. Perceived Parenting Styles and Values Development: A Longitudinal Study of Adolescents and Emerging Adults. *Journal of Research on Adolescence*, 2019, vol. 30, no. 2, pp. 541–558. DOI: [10.1111/jora.12542](https://doi.org/10.1111/jora.12542).
- Garcia F., Serra E., Garcia O.F., Martinez I., Cruise E. A Third Emerging Stage for the Current Digital Society? Optimal Parenting Styles in Spain, the United States, Germany, and Brazil. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, vol. 16, no. 13, article number 2333. DOI: [10.3390/ijerph16132333](https://doi.org/10.3390/ijerph16132333).
- Calafat A., García F., Juan M., Becoña E., Fernández-Hermida J.R. Which Parenting Style is More Protective Against Adolescent Substance use? Evidence within the European Context. *Drug Alcohol Depend*, 2014, vol. 138, pp. 185–192. DOI: [10.1016/j.drugalcdep.2014.02.705](https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2014.02.705).
- Garcia F., Gracia E. Is always Authoritative the Optimum Parenting Style? Evidence from Spanish Families. *Adolescence*, 2009, vol. 44, no. 173, pp. 101–132.
- Lund I., Scheffels J. 15-Year-Old Tobacco and Alcohol Abstainers in a Drier Generation: Characteristics and Lifestyle Factors in a Norwegian Cross-Sectional Sample. *Scandinavian Journal of Public Health*, 2019, vol. 47, no. 4, pp. 439–445. DOI: [10.1177/1403494818770301](https://doi.org/10.1177/1403494818770301).
- Eydemiller E.G., Aleksandrova N.V., Yustitskis V. *Semeynaya psikhoterapiya* [Family psychotherapy]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2000. 512 p.
- Demirli A. *The Structural relationships of parenting styles, attachment dimensions, loneliness and hope*. Middle East Technical University, 2013. 191 p.
- Jahanbakhshi Z., Shabani F. Predicting loneliness based on perceived parenting style and self-esteem in adolescents: the moderating role of gender. *Journal of Preventive Counseling*, 2022, vol. 3, no. 2, pp. 16–30.
- Rafiee Sh., Chehrei Sh. The relationship between perceived parenting styles and loneliness in students. *Asian Social Science*, 2016, vol. 12, no. 9, pp. 230–235. DOI: [10.5539/ass.v12n9p230](https://doi.org/10.5539/ass.v12n9p230).
- Ivanova E.E., Storozheva Yu.A. The phenomenon of alienation in children-parent relations. *Vestnik universiteta*, 2019, no. 9, pp. 190–195. DOI: [10.26425/1816-4277-2019-9-190-195](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-9-190-195).
- Slotina T.V., Yarmulik M.V. Features of parent-child relationships in the process of psychological separation of a daughter from a mother in an incomplete family. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 288–292. EDN: [TPRJXB](https://elibrary.ru/tpRJXB).
- von Soest T., Luhmann M., Gerstorf D. The development of loneliness through adolescence and young adulthood: Its nature, correlates, and midlife outcomes. *Developmental Psychology*, 2020, vol. 56, no. 10, pp. 1919–1934. DOI: [10.1037/dev0001102](https://doi.org/10.1037/dev0001102).

Experiencing loneliness in adolescence in relation to parent-child relationships

© 2023

*Ekaterina E. Churilova**¹, PhD (Psychology),

assistant professor of Chair of Person Developmental Psychology

*Aleksandr A. Nikolaev*², graduate student of the Faculty of Pedagogy and Psychology

Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia)

*E-mail: ee.churilova@mpgu.su

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9146-3286>

²ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9697-3735>

Abstract: The issue of parent-child relationships in adolescence is rarely researched. The period of adolescence is a crisis stage of active restructuring of the internal behaviors of a person and the transformation of external environments, including the social situation of development, the stage when the loneliness phenomenon acquires special significance. A person of adolescence both faces the age-specific task of forming intimacy and finds a resource in the state of being alone with oneself. When studying this phenomenon, researchers rarely consider it in relation to the actively changing parent-child relationships. A hypothesis of the study is that children of parents, who demonstrate hypoprotection as the leading type of upbringing, experience more severe loneliness in adolescence. An empirical study of the relationship between the experience of loneliness and the characteristics of parent-child relations was carried out on a sample of 96 “parent – child” diads, $M_x=19.6$ years, $\sigma=1.9$. To collect psychodiagnostic material, the authors used the “Analysis of Family Relationships technique” by E.G. Eydemiller and V.V. Yustitskis and the “Differential Questionnaire for Experiencing Loneliness” (short version) by D.A. Leontiev and E.N. Osin. As a result of statistical analysis, the authors identified a number of regularities expressed in reliable interrelations between such disharmonious tendencies in parent-child relationships as hyperprotection, insufficiency of requirements-duties, insufficiency of requirements-prohibitions, immaturity of parental feelings, the projection of one’s own undesirable qualities onto a child, and the subjective experience of loneliness, communication addiction. Using the analysis of differences, the study revealed that parents of children demonstrating a relatively low level of communication addiction, show tendencies for excessive requirements-duties, minimal sanctions, and a low level of educatory uncertainty.

Keywords: child-parent relationships; experiencing loneliness; in adolescence; adolescence; communication addiction; hyperprotection.

For citation: Churilova E.E., Nikolaev A.A. Experiencing loneliness in adolescence in relation to parent-child relationships. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2023, no. 2, pp. 61–69. DOI: 10.18323/2221-5662-2023-2-61-69.